

ИМЕНА

Будущее создаётся тобой, но не для тебя

Разговор
с Борисом Стругацким

Михаил ЛЕМХИН

Окончание. Начало в №928

- Хорошо. Может быть, вы правы (во всяком случае, вам виднее). И это даже вселяет определенный оптимизм... Давайте теперь вернемся к вашим делам... Ну, вот, все опубликовано, издано, переиздано. Все, что было в столе, в тайнике, в посевском изгнании — все напечатано. Чувствуете вы отдачу? Вы перед сном воображали ведь, как вытащите «Град обреченный» из тайника, как увидите этот текст под книжной обложкой — и? Что будет? Ну — мир не перевернется, но что-то будет. Как люди будут это читать — думали вы?

— Знаете, Миша, мы оказались подготовлены — я по крайней мере, не знаю, как Аркадий Натанович, думаю, что и он тоже — «Хромой судьбой». Вещь, которая казалась нам еще два-три года назад абсолютно непроходимой, вышла и не вызвала никакого резонанса. Потому что параллельно шли «Белые одежды», «Дети Арбата», «Ночевала тучка золотая»... И чего только не шло параллельно. Я уже тогда понял, что наши вещи никогда больше не окажутся в фокусе внимания, ну, скажем так, литературной критики. Что бы мы ни написали. Все это будет воспринято, как добротная перестроечная литература, но не более того. Время сенсаций миновало. Это мне было довольно горько осознавать, потому что, что бы там писатели ни говорили, а любой из них любит славу. И ощущение того, что ты, субъективно готовый оказаться в фокусе внимания, на самом деле оказываешься на периферии — это ощущение, конечно, неприятное. Ну, мне в таких случаях помогает рационалистический взгляд на вещи... И потом, если говорить откровенно, — меня в последнее время перестала интересовать литература. Миша, перестала она меня интересовать... Это тоже сыграло свою роль. То есть, все это наддувание, накачивание мышц, подготовка к триумфу — кончилось пшиком... Было время, когда я думал на эти темы, огорчался. А потом, когда подряд появились две статьи в «Новом мире» и в «Знамени», статьи, свидетельствующие о дремучем невежестве авторов, которые построили свои концепции непонятно на чем... Ну, мы поняли, что не получилось. Не получилось это вторжение в большую литературу, то, чему мы посвятили всю свою жизнь. Всю свою жизнь мы пытаемся доказать, что фантастика имеет равное с другими жанрами право находиться в большой литературе.

- Извините, иначе: не то, что фантастика имеет право, а то, что А. и Б. Стругацкие имеют право...

- Мы не имели другого способа это обстоятельство доказать... Миша, вспомните наши старые споры. Вы были одним из тех людей, которые всячески меня убеждали, что Стругацкие — у, вершина! Я прекрасно это помню. Чуть ли не в первую пятерку... и все такое прочее... Я никогда к этому не относился серьезно и сейчас, естественно, не отношусь. На мой взгляд, это не так. Все ведь, в конце концов, упирается в проблему вкуса. Так вот, на мой вкус

Борис Стругацкий. Фото © Михаил Лемхин, 1966 г.

это не так. Не входят Стругацкие в первую пятерку. В первые двадцать пять — да, входят. Но не в первую шеренгу... Вы поймите, Миша, чем бы вы сейчас ни занимались, в душе вы все равно литературовед... Вы внутренне убеждены, что существует некий способ измерить двух писателей и сказать: «Измерено, подсчитано, взвешено, и это найдено весомым, а это — легким». А я-то совершенно точно знаю, что нет никакой мерной шкалы. Нету. Существует некая совокупность вкусов. Сказать, какой писатель больше, а какой меньше — вообще невозможно, в принципе. Это неизмеримые величины. Нет никаких способов измерения... Вы, по сути дела, сказали мне следующее: «Вы должны были осознавать свое место в литературе».

- Верно. Не фантастики, а свое место.

— Ну вот, так я утверждаю: да, я осознаю свое место в литературе. И я понимаю, что «Ночевала тучка золотая» на весах литературы, коль скоро они существуют в том или ином смысле, весит больше, чем «Град обреченный». Понимаете, в чем дело. Поэтому, мягко

выражаясь, скромная реакция на наши вещи меня хоть и задевает, но не удивляет. Скажем так.

- Я действительно убежден, что существует некая совокупность качеств, которая позволяет оценивать и писателя, и произведение. Не так механистически оценивать, как вы мне приписываете, но это дело десятое. И разговор этот длинный, и Бог с ним сейчас. Но я не могу удержаться, чтобы не сказать: на мой взгляд, на весах, в которые вы не верите, и «Улитка», и «Второе нашествие», и «Миллиард лет до конца света», и «Гадкие лебеди», и, вероятно, «Град обреченный» весят не меньше, чем «Тучка»... А очень может быть — больше. Но, еще раз повторяю, я бы предпочел говорить об этих материях более гибким языком.

- Ну вот, это лишнее доказательство того, что все решает не объективный прибор, а вкус. Это на ваших весах...

Любимая моя книга «Миллиард лет...», наверное, не может сейчас так цеплять нового читателя, хотя это, я уверен, настоящая литература... Опять возвращаясь к нашему сюжету, я хочу сказать, что я-то смотрю издали и издали мне не показалось, что была заметная отдача на публикацию и «Града обреченного», и даже «Гадких лебедей», книги, которая, казалось бы, сейчас должна очень читаться... И вы подтвердили — никаких сенсаций.

- Я это объясняю тем, что общественное внимание было направлено на совершенно другие ориентиры. Ведь все-таки психология подавляющего большинства читателей устроена так, что они предпочитают реальную информацию о мире информации беллетризованной. «Гадкие лебеди» — это аллегория, и она не может сравниться даже с теми же самыми «Детями Арбата». Ну, не может...

- Будущее создается тобой, но не для тебя. Знаете, Борис Натанович, я долго-долго собирался написать рассказ о Некрасове. Николае Алексеевиче Некрасове, то есть - его мучил этот вопрос. Некрасову казалось - он был уверен, - что люди, которые его окружают, так называемые революционные демократы, они и есть будущее. Будущее в них, и будущее скоро наступит. И он работал на это будущее, верил в этих людей. Но сам-то он не хотел жить в этом будущем. То есть — понимал, что не сможет там жить и не будет ему там места. И, поскольку он какое-то время верил, что будущее может наступить буквально завтра, вопрос этот был для него не академическим, а почти бытовым. Так что подобные ситуации уже встречались в истории. Дело не в том, что будущего, которого Некрасов хотел-бо-ялся, тогда не возникло. Он думал о нем как о реальности.

- Ситуация похожа, но она только чем-то похожа. Вы не забывайте того, что Некрасов верил, будто эти люди представляют будущее, в котором он, однако, жить не хотел, он хотел жить в прошлом. Но мы-то вовсе не хотим жить в прошлом. Нет, извините. Мы, наше поколение шестидесятников, с удовольствием пришли в это будущее. Коллизия не в том заключается, что мы хотели бы остаться в прошлом — нет. Не дай Бог туда вернуться! Страшно подумать — вернуться туда. Другое дело, что мы не понимаем, что мы должны делать здесь, в настоящем. Мы хотим жить здесь, но — вот зачем жить? Мы как бы вынуждены начинать свою жизнь сначала. Снова нам как будто семнадцать лет, мы вышли из школы и думаем: «А чем же нам, заниматься, в чем цель?»

- Помните, я вам написал, а вы удивились этому, мне показалась повесть «Отягощенные злом» чрезвычайно сиюминутным публицистическим откликом на происходящее...

- Я и сейчас не понимаю этого, Миша...

- И вот теперь мне кажутся подтверждением моих представлений ваши нынешние слова о том, что вы утратили интерес к беллетристике и желание читать беллетристику. И переход к вашему сегодняшнему состоянию от «Отягощенных злом» — последняя, написанная вами вещь, «Жиды города Питера»** «Жиды» ведь абсолютно чистая — в самом хорошем смысле этого слова — абсолютно чистая публицистика.**

(Боюсь, что очень немногие читатели русского Зарубежья видели номер журнала «Нева» с пьесой Стругацких, поэтому перескажу ее в нескольких словах. Действие разворачивается в Ленинграде в перестрочные времена.

Перевалило за полночь. Немолодые приятели сидят у телевизора и, попивая чаек, смотрят заседание Верховного совета, нелюбопытно комментируя: «Нет, но до чего же мерзопакостная рожа! Ведь в какой-нибудь Португалии его из-за одной только этой рожи никогда бы в парламент не выбрали!» Неожиданно появляется человек из какой-то Спецкомендатуры, проверяет паспорт хозяина квартиры и вручает ему повестку: «Богачи города Питера!

Это означает... Нельзя сказать, конечно, что у каждого свои веса, но это означает, что на данном литературном рынке не единственные веса, а, скажем, десяток весов. И около каждого взвешивающего прибора стоит толпа, утверждающая, что эти вот веса являются верными. Вон там любители Пикуля: у них веса — говно, а у нас — веса!

- Из-за жанра ли или из-за других привходящих обстоятельств ваши книги, даже и в былые времена, когда они имели все шансы вырваться в самый первый ряд, — не вырвались. Не будем играть словами, в первый ряд чего — литературы, искусства, беллетристики. Не вырвались. Я помню, как мы с Лурье толковали, что, окажись «Второе нашествие марсиан» напечатанным не в журнале «Байкал», а в «Новом мире» — это была бы бомба. По масштабам того времени. И многое сложилось бы иначе...

— «Второе нашествие...» — нет, а вот «Улитка...» — да.

- И «Улитка...», конечно. Кстати, «Второе нашествие...» мне кажется безумно актуальной сейчас книгой.